

...Мы (незаконнорожденные) не существуем и ничего не имеем. Все дети, рожденные в законе, могут наслаждаться жизнью на земле бесплатно.

Жан-Поль Сартр. Дьявол и Господь Бог

...Не путайте мифы с божественными биографиями, а богов с их образами.

Андре Мальро. Метаморфозы богов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта мысль осенила меня при чтении Плутарха. Две первые работы из его цикла «Сравнительные жизнеописания», посвященные Тесею и Ромулу, являются биографиями незаконнорожденных.

«Между Тесеем и Ромулом, — пишет Плутарх, — много общего, происхождение обоих темно, поэтому они считаются потомками богов.

Вместе с тем они физическую силу соединяли с умом. Один из них основал Рим, другой создал Афины, знаменитейшие города в мире; оба похищали женщин; ни один не избег несчастья в собственном доме и ненависти родственников; кроме того, оба они рассорились, говорят, перед смертью со своими согражданами, если только правдой в их жизни считать то, что всего менее носит на себе поэтическую окраску»¹.

В этом описании наглядно показаны отличительные черты незаконнорожденных. Одинаковые природные черты характера или похожие превратности судьбы можно обнаружить почти у всех великих незаконнорожденных Истории, и особенно у великих внебрачных сынов древности.

Утверждение о своем сверхъестественном происхождении, пророческие способности, мессианское призвание, необычайная физическая выносливость, гибкий ум, бунт против среды, в которой родился, разно-

¹ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания — Тесей и Ромул. Перевод В. Алексеева.

гласия с близкими, неуравновешенность характера, убийственные вспышки гнева, внезапные исчезновения, желание покорять одновременно страны и женщин и господствовать над ними, создание городов, империй и учений, удивительное свойство становиться невыносимым для своих соплеменников, трагический, часто преждевременный конец или окончание жизни в одиночестве и скорби — вот основные черты, более или менее ярко проявившиеся в зависимости от конкретных личностей и эпох, которые с завидным постоянством отмечаются у этих необыкновенных людей.

Моисея часто считали внебрачным ребенком, и это больше чем предположение. Он, скорее всего, был египтянином (по этому поводу у Фрейда есть своя версия) и, по-видимому, происходил из фараонов, по крайней мере по матери, то есть был божественных кровей. Его рождение окружено глубокой тайной и легендами. Рассказывают, что он был отдан матерью водам Нила, но был спасен и усыновлен или просто взят на воспитание жрицей, дочерью фараона. Довольно краткий и неясный рассказ о нем в Библии имеет некоторое сходство с текстом, написанным на пятнадцать столетий раньше, в котором говорится о царе Саргоне, основателе древней династии в Вавилонии. «Я — могучий Саргон, властелин Аккада. Мать моя была весталкой, отца я не помню... Мать забеременела мной в городе Азупирани на берегах Евфрата. Она тайно произвела меня на свет, положила в корзину из тростника, отверстия в которой залепила смолой, и пустила корзину по течению, но я не утонул. Течением реки меня принесло к водочерпию Акки. Водочерпий Акки по своей доброте спас меня из вод и воспитал как собственного сына...»

В те времена для избавления жрицы от плода греховной связи младенца, существование которого, по предсказанию оракулов, таило в себе угрозу для цар-

ской власти, чаще всего отправляли по воле волн или оставляли на холме и препоручали ребенка охране богов. Видимо, так и случилось с Моисеем. Его мать оказалась более находчивой, чем мать Саргона, а может быть, ей помогли организовать одновременно сцену избавления от ребенка и его «обнаружения» в тростнике. Найденное дитя, согласно Библии, было отдано кормилице-еврейке, и таким образом ребенок нашел приют в кварталах бедноты. Зачем нужно было потом принцессе царского рода, облеченной полномочиями жрицы, брать себе маленького, никому не известного еврейского мальчика, воспитывать его как собственного сына, обучать религиозным наукам, жаловать почестями и высокими должностями, если это был не ее родной сын или ребенок женщины из ее семьи?

Всякое другое предположение выглядит невыносимым, если взглянуть на эллинистический Египет и представить себе социальные условия существования в этой стране евреев, священный характер царской семьи и строгие рамки ритуала, которому подчинялась вся жизнь во дворце.

Посвященный в таинства храма, достигший высот иерархии, Моисей поддержал ересь, примкнув к расколу, поссорился со своей царской родней, совершил убийство, скрылся в пустыне, где услышал откровение Всевышнего о том, что его ожидает, после чего повел за собой угнетенный народ, вскормивший его в младенческие годы, и основал самую строгую и в то же время самую стойкую из великих религий.

Александр Македонский метеором пронесся над планетой. Он, эллинизовавший Древний мир от Инда до Атлантики, тоже был незаконнорожденным ребенком знатных родителей. Александр узнал тайну своего происхождения от матери, которая была жрицей царского рода. Когда он повзрослел, история его

рождения стала предметом многочисленных оскорблений со стороны врагов и недругов. Наконец Александр сам с великой гордостью провозгласил свое божественное происхождение, после того как оракул в Ливийской пустыне подтвердил особое предназначение его жизни. Пророчески предсказанная судьба уготовила ему роль освободителя Египта и восстановителя культа Амона.

Тайной окружено также рождение Иисуса Христа. Несмотря на всю осторожность в этом вопросе Священного Писания, оно дает такой недвусмысленный ответ: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого.

Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее» (Мф. 1: 18–19).

Выражение, которое использует в своем описании Плутарх, удивительно подходит к Иисусу. Он действительно появился на свет не как плод законного брака и с ранней поры стал известен своим божественным происхождением (по утверждению своей матери, как Ромул и как Александр). Впрочем, он появился не в какой-нибудь темной или бедной среде, как склонны считать некоторые люди.

Его родственники по материнской линии принадлежали к высокому сословию священнослужителей. Отец Марии был богатым землевладельцем, его дядя, или кузен, руководил одной из первых церковных магистратур, а сама Мария принадлежала к числу дев, освященных в храме. Уже в возрасте двенадцати лет Иисус поражает своих учителей силой логики и необычайно ранней посвященностью в таинства обрядов. Жизнь, которую он ведет в период проповедничества — воздержание в пище, бодрствование, длительные

странствования, — говорит о нечеловеческой выносливости. Его склонность к неистовству находит выход в отношении торговцев в храме и в потоке проклятий в адрес Иерусалима. Бунтарь по натуре, он выдает себя за реформатора закона Моисеева и вносит смятение в синагоги. Он не чувствует никакой привязанности к близким ему людям и как будто даже испытывает постоянное раздражение ко всему, что составляет семейные связи. «Кто Матерь Моя, и кто братья Мои?» (Мф. 12: 48). «Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной». (Лк. 18: 29–30). «Я пришел разделить человека с отцом его, или дочь с матерью ее». (Мф. 10: 35).

Он стал основателем града, великого града без стен, сотни миллионов жителей которого, разбросанные по всему миру, следуют одной вере. Хотя ему не довелось очаровывать женщин, его духовное обольщение, как никакое другое, покоряло их души. Вместо сверхчеловеческой храбрости Тесея или Александра, которая считалась признаком их божественного родства, вместо дара колдуна, которым обладал Моисей, этот назаретянин поражал всех чудодейственными исцелениями и способностями чудотворца. На крест его отправила ненависть сограждан.

Итак, у каждой из пяти цивилизаций Средиземноморья, от которых мы произошли, творения и история которых составляют основу нашей культуры, законы которых все еще управляют нашими институтами, а догмы по-прежнему являются главными положениями наших культов, был свой, хорошо известный основоположник. У каждого из них, у всех пяти, рождение окутано мистической тайной.

Согласно хронологии, Иисус Христос является последним из детей божественного происхождения. После него христианское понимание космоса отделяет божественное от земного, человеческого. Бог окончательно уходит в выси небес. Если он и присутствует повсюду, то скорее в качестве созерцателя и судьи. Воля его абстрактна. Он утратил ту меру участия, с которой относился в дохристианскую эпоху к жизни людей. Редкие случаи его непосредственного вмешательства проявляются только в событиях, которые выглядят противоречащими установленному в природе порядку: необъяснимое исцеление, рана, появившаяся таким же необъяснимым образом, видения — все это считается чудом. Однако не допускается возможность участия божества в сотворении плода незаконного союза, рождение больше не отмечено чудом, то есть отрицается идея божественного предназначения.

Наоборот, церковь с недоверием относится к незаконнорожденным и за редким исключением не дает им доступа к сану священника, подтверждая таким образом их особо низкий социальный статус, который определен гражданской юрисдикцией. Дети внебрачные, незаконнорожденные, плоды супружеской измены вызывают до сих пор беспокоящее чувство позора и подозрительное любопытство. Дети запретной любви, они одновременно внушают страх перед грехом и искушением. Еще немного, и по отношению к ним мир вернулся бы к дохристианскому, но превратному истолкованию их происхождения — они считались бы порождением дьявола. Тайна их рождения возбуждает воображение и услужливо передается язвительным шепотом из уст в уста. Из-за своего неопределенного положения в обществе они становятся довольно известными, народ метко именует их «дети бога любви». Амур — прекрасное божество, оплодотворяющая сила которого всегда желанна и всегда вызывает опасения.

В ней воссоединяются радостные страсти Зевса, соблазнительность Афродиты, стрелы Эроса, опьянение Диониса, грубость Марса, сверкающий луч, выпущенный Амоном-Ра.

Почему с давних пор, со времени появления организованных обществ, независимо от их моральных или религиозных основ, существуют два статуса: один для законнорожденных, другой для незаконнорожденных?

Показательна в этом отношении юридическая терминология. Чтобы быть узаконенным, внебрачный ребенок должен быть признан. Не принят в семью, не избран, не найден после потери, не избран, а именно признан кем-либо из родителей; до этого он не мог быть отождествлен с другими детьми рода человеческого.

Неудивительно поэтому, что люди, лишённые достойного места в обществе и ничего не видящие, кроме благотворительности сострадательных сограждан (которые, говоря словами Сартра, не существуют и ничего не имеют), испытывают непреодолимое желание установить новый порядок. Неудивительно, что они намеренно не подчиняются законам своего города, легко сходятся со всеми, кто волею судьбы оказался вне закона. Неудивительно, что они, как Ромул, уходят куда-нибудь с целью основать новый город, увлекая за собой мошенников, воров, рабов и обездоленных; до конца дней не могут простить грехопадение своих матерей, которые произвели их на свет и обрекли на вечный позор. Они ненавидят весь женский род и хотят обольщать цариц, низводя последних до положения шлюх. Им в высшей степени противны судьи, губернаторы, магистраты, управляющие, прелаты. Они обходятся без ходатайства священнослужителей и напрямую спрашивают у Бога, не возложена ли на них какая-нибудь миссия, остерегаясь богохульствовать, даже если ответ Создателя их не удовлетворяет.

Из тысячелетия в тысячелетие они задают постоянно один и тот же вопрос: являются ли они порождением случайной страсти или же их появление на свет предопределено свыше? Нет им ответа на этот вопрос, лишь только молва людей, оценивающих их деяния. В древности подвигам незаконнорожденных нет числа, они всегда были в рядах воинов, завоевателей и кондотьеров. Бунт, инакомыслие, предательство, нетерпимость всегда присущи этим людям. Они распахивают новь, потрясают мир, прокладывают новые пути лучше, чем управляют завоеванными государствами; не удовлетворяясь достигнутым, всегда стремятся к риску и подвигу. В некоторые периоды истории рождение таких людей кажется необходимым и желанным. В полумраке храмов мудрецы пытались узнать судьбу, уготовленную внебрачным детям, иногда еще до их появления на свет.

Среди судеб великих внебрачных сынов древности судьба Александра Македонского кажется самой поразительной. Он принадлежит истории, а не легенде. Слава его подвигов непререкаема в веках. Яркая жизнь Александра, хотя и хранит еще некоторые тайны, в целом хорошо нам известна. Его деяния, на первый взгляд противоречащие общепринятым нормам человеческой морали, способствовали созданию новой цивилизации. Заключаящаяся в нем огромная энергия духа, сдавленная узкими рамками человеческих измерений, рвалась наружу.

Спустя двадцать три столетия память о нем по-прежнему удивительно жива. Его следы не занесло песком. Из двадцати четырех основанных им городов, носящих его имя, многие стоят, как и прежде. В ряде случаев установленные им границы и по сей день служат государственными рубежами.

Александр Великий, проживший тридцать три года, некоторыми священниками, сведущими людьми

и властителями оракулов по обе стороны Средиземного моря считался сыном Зевса-Амона. Афиняне вместе с жителями большинства греческих городов, а также римляне официально признали его тринадцатым богом Олимпа. Египтяне увенчали его короной фараона, а вавилоняне — царской тиарой. Евреи видели в нем одного из владык мира, предвестника мессии, указанного в пророчествах Даниила. Некоторые народы Индии воплотили его черты в образе Будды, культ которого до прихода завоевателя окончательно не сложился. Древние христиане причислили Александра к сонму святых. Ислам отвел ему место в пантеоне своих героев под именем Искандер, а также в Коране под именем Дуль-Карнаин, или Человек с двумя рогами, потому что арабы помнили его изображение в виде Зевса-Амона — бога с рогами барана. Он всегда вызывал интерес у оккультистов. Как гласит легенда, в конце XV века доктор Фауст явил Александра императору Максимилиану.

Все это заставляет задуматься над толкованиями универсальности мифов. Живи Александр на десять или двадцать веков раньше, в прахе его легенды люди увидели бы лишь только земной культ и символику весны.

Современники Александра постоянно задавались вопросом: «Человек он или бог?» И похоже, что в пользу первого мнения было не меньше доводов, чем в пользу второго.

Для нас, отделенных от него толщей веков и воспитанных в неверии к иррациональному, вопрос стоит несколько иначе: «Что означало в те времена быть богом среди людей? Кто же он был на самом деле, этот человек-бог?»

Многочисленные соратники Александра, военачальники, предводительствующие его войсками, приближенные, исполнители его замыслов после смерти

принялись описывать судьбу и подвиги Александра. Так появилось не меньше двадцати восьми произведений, написанных знавшими его людьми.

Все эти труды не сохранились, погибнув — отчасти по воле слепого случая — среди многих других литературных памятников древности. Но прежде чем навсегда исчезнуть, эти сочинения побывали в руках пяти античных писателей: Диодора Сицилийского, Трога Помпея, Квинта Курция, Плутарха и Арриана Флавия, произведения которых вместе с несколькими пространно воспроизведенными фрагментами служат первоисточником для многочисленных биографий, исследований, диссертаций и работ, которые из века в век, из поколения в поколение посвящаются Александру.

Таким образом, нам известны внешние черты, характеры, дела, склад ума, а также слова и суждения не только Александра, но и его сподвижников. Из всех главных очевидцев только один не оставил нам своих воспоминаний, хотя этот человек знал о нем больше других. Он присутствовал при рождении Александра, наблюдал за его возмужанием, обучал наукам, сопровождал в походах, толковал его сны, оценивал предзнаменования накануне битв, вместе с ним посещал храмы и не покидал своего царя до самой смерти. От рассвета до заката он наблюдал за орбитой этого светила и, кажется, нередко направлял его движение.

Это Аристандр из Тельмесса, официальный прорицатель правителей Македонии. История сохранила нам имена многих оракулов. Я пытался воссоздать образ Аристандра, восстановить ход его мыслей, написать мемуары, которые могли бы принадлежать его перу.

Я отдаю себе отчет в том, что при написании этой книги возможны ошибки, неточности, которые могут породить ученые споры, впрочем, как все новое в этой области. Но понимание жизни Александра кажется

мне невозможным без какого-либо доступа к религиозным наукам Античности и к действенной магии.

Я руководствовался только одним правилом: в своем изложении не просто придерживаться общепризнанных исторических версий, а смело высказывать гипотезы.

И если кто-то удивится, что после стольких уже опубликованных жизнеописаний Александра появилось еще одно, я отвечу словами Арриана Флавия, которые он сказал семнадцать столетий назад по такому же поводу: «Удивление при виде нового историка, следующего по стопам многих других, может быть, исчезнет, если написанное ими сравнить с тем, что написал он».

Те, кто пойдет по моим стопам, тоже могут сказать, что тема не исчерпана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

СТЕЛА ДЛЯ АРИСТАНДРА¹

Я — Аристандр из Тельмесса. Это моя стела. Я лучший из лучших, мудрейший из мудрых, образованнейший из образованных. Боги избрали меня за способность к познанию и отметили своим светом. С детства я чувствовал в себе силы и готовность к исключительным деяниям.

Среди современников не было равных мне прорицателей, слава моя затмила известность моих предков. Пожалуй, меня можно сравнить лишь с Тиресием из Фив², который жил раньше.

Меня воспитали в храме моей родины на побережье Ликии. Уже в юном возрасте я совершил путешествие в Египет, где приобретается и пополняется великое знание всех наук. Как Фалес и Пифагор, я отправился в священные монастыри Нила для изучения медицины, геометрии, астрономии и божественных законов, которые управляют всей жизнью в вечном мире. Но в отличие от Фалеса, Пифагора, а позднее и божественного Платона, которые учились там, чтобы обучать потом других, я постигал науки, с тем чтобы действовать.

Будучи молодым человеком с незапятнанной репутацией, я получил очищение водой. Я никогда в жизни не ел запретного. Меня посвятили в таинства Гермеса.

¹ *Аристандр* — в переводе с греческого означает «лучший, достойнейший, знаменитый».

² Слепой прорицатель, предшественник фиванских жрецов.

Как великий жрец, которому дано видеть бога и проникать в святая святых, я носил в сердце своего господина, следовал за ним, выполнял культовые обряды вместе с пророками и, сам являясь пророком бога Амона, во время правления трех царей Македонии давал им предсказания и наставлял в делах и помыслах. Желая отметить мое превосходство среди людей, цари часто предоставляли мне место, расположенное рядом с их тронном.

Как премудрый Асклепий при великом Зозере, как Аменхотеп при Аменофисе, я был приставлен к Александру, царю и фараону, с тем чтобы помочь ему исполнить божественный замысел. Я был его правой рукой и его головой, дабы выполнялись его повеления и задуманное им. Поэтому имя Аристандра неотделимо от имени Александра.

Душа моя пребывает в покое, потому что я был справедлив в моих делах. Собственной рукой я сделал надпись на своей стеле, и я не перевоплощусь¹.

II ЦАРИ МАКЕДОНИИ

Я был назначен первым духовным советником и официальным прорицателем примерно в то время, когда свершилось убийство царицы Евридики, задуманное ее сыном Филиппом Македонским. Я был еще очень молод, мне едва исполнилось двадцать лет, и тот, чьим советником я стал, как бы юн годами он ни был, считался старше меня. Когда тебя признают лучшим, то не приходится долго ждать высших почестей. Пребывание до старости в низших должностях — это

¹ Вера в переселение душ была распространена до христианства в эллинистическом мире.

далеко не самый верный способ приобретения качеств, необходимых мужам для продвижения по службе. Каждому человеку, как только он станет взрослым, можно поручать дело, уготовленное ему судьбой.

После смерти моего предшественника, прорицателя при дворе правителя Македонии, собрался совет царского храма в Афитисе, куда я был направлен египетскими наставниками. Здесь меня, несмотря на молодость, избрали на высший пост, какой только может быть в государстве. Таким образом я стал вторым лицом после царя.

Прорицатель должен познать прошлое, понять его, дабы различать черты будущего. Прорицатель в государстве должен знать его прошлое, так как страны живут и умирают подобно людям. Народы воплощены в своих правителях. Вот история царей Македонии.

Сначала был Зевс, отец и предок всех царей на земле, одним из сыновей Зевса был Геракл, а одним из сыновей Геракла был Гилл, у которого был сын Клеодем, имевший сына Аристомаха, от сына которого Темена, героя Аргоса, произошли три брата: Гаян, Аэроп и Пердикка.

Три брата, долго странствовавшие по свету в поисках счастья, поселились в Верхней Македонии у правителя города, который поручил старшему брату пасту лошадей, среднему — быков, а младшему, Пердикке, следить за козами и свиньями.

Среди братьев юный Пердикка был самым красивым. Правитель вскоре заметил, что из трех хлебов, которые его жена каждый день пекла для пастухов, хлеб Пердикки всегда был больше по размеру и лучше подрумянен. Он заподозрил жену в измене, она отвечала со свойственной неверным супругам дерзостью, что хлебец, предназначенный Пердикке, словно по волшебству увеличивается в ее руках, когда она месит тесто. Правитель решил выгнать братьев. Прежде чем уйти,

они потребовали расчета за работу. Правитель, показывая на солнечный луч, проникавший через дымовое отверстие в середине потолка, ответил: «Вот вся плата, которую вы заслуживаете. Возьмите это солнце себе в награду за труды».

Он думал зло посмеяться над ними, однако Пердикка был смекалист и умен. Отстранив растерявшихся братьев, он вышел вперед и ответил, что согласен. Затем, очертив мелом на полу круг, освещаемый солнечным лучом, вошел в него и три раза обнажил грудь, подставляя ее солнцу. Поскольку круг этот приходился на середину господского дома, Пердикка заявил, что отныне все имущество прежнего хозяина принадлежит ему.

Оскорбленный правитель хотел немедля убить братьев, но им удалось бежать. Зевс всегда помогает своим потомкам. Внезапно разразилась гроза, и река, вышедшая из берегов, преградила путь преследователям. Пердикка решил поселиться в этих краях и стал жить вместе с людьми племени, обосновавшегося неподалеку от города. Обладая талантом подчинять себе людей, он становится хозяином новых земель. Когда Пердикка почувствовал себя достаточно сильным, он захватил владения своего прежнего господина и получил царскую корону.

У Пердикки I родился сын Аргей, у которого потом был сын Филипп I, имевший сына Аэропа I, отца Алкета, давшего жизнь Аминту I, сыном которого был Александр I.

Правление этих царей было отмечено непрекращающимися войнами, которые велись с соседями, а после захвата всех земель Македонии войны продолжились с Иллирией, Эпиром, Линкестидой и Фракией.

Суровый климат Македонии — холодная зима, жаркое лето, дождливая весна — закаляет людей, делает их выносливыми. Мир устроен так, что усиление

могущества любого народа сопряжено с политикой насильственных завоеваний. Настанет день, и крошечное македонское царство волею судьбы разгромит огромную империю персов и мидян, но исполин никогда не видит в младенце будущего соперника, который сумеет повергнуть его.

Александр, сын Аминта, первый бросил вызов Востоку, приказав убить семерых послов, уполномоченных великим царем требовать от Македонии подчинения и добиваться уплаты подати. Перед казнью послов напоили допьяна на пиру. После этого греки, которым без конца угрожали персы, сами стали проявлять интерес к малому народу, считавшемуся варварским, земли которого были расположены на севере, по другую сторону снегов Олимпа.

Убийство послов было совершено рукой Александра, первого из македонских царей, носивших это имя, тогда он еще был только наследником престола. Став царем, он показал себя как дальновидный, мудрый политик. Одно время правитель Македонии делал вид, что сохраняет нейтралитет с Дарием и Ксерксом, потом он даже выступал на их стороне в битве при Маратоне, в морском сражении у острова Саламин, при поджоге Афин. Накануне битвы у Платеи царь, коварно предав персов, неожиданно переметнулся к афинянам. После победы в этом сражении его стали называть Александром Филэллином, или «другом греков».

Сыном Александра Филэллина был царь Пердикка II, почитавший за честь часто принимать у себя знаменитого, не имевшего себе равных в науке врачевания Гиппократ, который, так же как и царь, происходил от Геракла. Во дворце Пердикки II Гиппократ написал часть своего ученого труда, который начинается ныне всем известными словами: «Жизнь коротка, мастерство познается долго, на случай надеяться нельзя, шарлатанство опасно, рассуждать трудно».

Наследником Пердикки II стал Архелай, его незаконнорожденный, внебрачный сын. Архелай убил прямых наследников престола, своих сводных братьев, и таким образом добился царской короны. Как правитель он превзошел своих предшественников. Архелай покинул прежнюю столицу — город Эги, избрав новой столицей город Пеллу, расположенный на холме у озера, соединяющегося с морем рекой Лидас, — торговые корабли могли бросать якоря у крепостных стен.

Архелай построил в Македонии дороги, возвел храмы, создал сильную армию, ввел новые законы. Он поощрял развитие искусств и наук, во времена его правления уже никто не мог назвать Македонию варварской страной. Он отправил священнослужителей в Египет постигать таинства религиозных знаний. Покровительствуя поэтам, Архелай оказал гостеприимство Еврипиду, после того как тот вынужден был покинуть Афины, где его обвиняли в безбожии. В Пелле Еврипид погиб от несчастного случая — его загрызли дворцовые собаки.

Желая украсить свое жилище, Архелай пригласил к себе знаменитейшего художника того времени по имени Зевксис. Мастер, разбогатев трудом рук своих, стал раздавать свои картины бесплатно, потому что в городе не находилось состоятельных покупателей, способных заплатить за полотна истинную цену. На одеждах художника крупными буквами золотом было вышито его имя. Но, несмотря на странность поведения, противоречивость характера, Зевксис был действительно талантливым живописцем. Ему удавалось достичь такого зрительного эффекта, что картины вводили в заблуждение не только людей, но и животных. Например, птицы садились клевать виноград, грозди которого художник нарисовал на стене.

Как это часто случается с незаконнорожденными, приходящими к власти с запачканными кровью своей

родни руками, Архелая ожидала горькая участь — он был убит. На смену могущественному правлению обычно приходит хаос безвластия. В течение десяти лет после смерти Архелая в Македонии царил беспорядок.

Затем власть в государстве захватил кузен Архелая Аминт II, царское происхождение которого не вызвало сомнений. Правление его не было счастливым, так как ему довелось воевать не только с соседями, которые однажды даже прогнали его с трона, но и вести еще более изнурительную борьбу в собственном доме со своей женой Евридикой. Этой борьбы он не выдержал.

Евридика, мать знаменитого царя Филиппа, происходила из царского рода Линкестидов. Ее я видел еще в молодости, когда приезжал в Македонию. Она прославилась своей жестокостью, непомерным честолюбием и чудовищностью своих преступлений. Редко случается, чтобы все эти темные силы и кровожадные инстинкты воплотились в одной женщине. Ей не претили убийства, напротив, они доставляли ей наслаждение. От мужа она родила четверых детей: дочь и трех сыновей. Дочь в очень юном возрасте отдала замуж за Птолемея из Алороса. Евридика вскоре воспылала к Птолемею безумной страстью и стала любовницей своего зятя. Затем она решила злодейски расправиться со своей семьей.

Первым пал обманутый супруг, царь Аминт. С обвинением Евридики в совершении преступления спешить не стали, поскольку тогда еще не знали о чудовищном коварстве этой женщины. После убийства мужа она отравила дочь, чтобы навсегда избавиться от соперницы на ложе своего возлюбленного.

После содеянного любовники не обрели покоя, ибо если страсть их была утолена, то честолюбивые замыслы не ослабли. Старший сын Евридики взошел

на царский трон под именем Александра II. С целью лишить его власти Евридика и Птолемей организовали очередное убийство, отягощенное актом святотатства. Во время ритуального танца Птолемей, участвовавший с солдатами охраны в представлении сцены боя, бросился на безоружного царя, присутствовавшего в качестве главы церковной власти, и пронзил его мечом. Оправдываясь, он стал требовать, чтобы это убийство сочли за несчастный случай. Пердикка III, средний сын Евридики, был поставлен царем, а Птолемей из Алороса назначен регентом. Младшего сына, Филиппа, удалили от двора, отправив сначала на родину матери в Линкестиду, а затем заложником отослали в Фивы — в знак доказательства нерушимости будущего союза. После нескольких лет царствования без власти, под постоянной угрозой смерти Пердикке III наконец удалось избавиться от зловещего Птолемея. Филипп вернулся из Фив, чтобы поддержать брата. Евридика бежала, она попыталась найти убежище в своем родном племени. Эта женщина с душой военачальника, способная вести за собой людей, не сложила оружия. Она собрала войско и напала на Пеллу. В этом бою погиб ее средний сын — так мать рассчиталась за смерть своего любовника.

Македонянам не следует завидовать атридам и фиванской династии Лайя, ибо Евридика из Линкестиды превзошла Клитемнестру, а оставшийся в живых ее младший сын в дальнейшем превзойдет Эдипа.

Филипп хорошо знал, что его ожидает. Он разгадал кровожадные замыслы Евридики и избавился от нее первым. Дело было сделано, круг замкнулся. Убийством матери было отомщено детоубийство.

Все это время, вопреки раздорам в царской семье, силы Македонии росли. Удивительно, что народ способен достичь высот своего развития в условиях, когда

его правители ведут убийственную войну друг с другом и во дворце проливается кровь. Но это закономерно — так проявляется растущая сила в народе. Осознавший свое могущество становится агрессивным. И та же неведомая воля, что возносит царства к вершинам судьбы, толкает его вождей на междоусобную борьбу. Поэтому, когда соперничество, обвинения, судебные процессы, изгнания, казни потрясают в период становления молодое государство, не верьте, что оно погибает, преждевременно исчерпав свои возможности. Страна переживает лихорадку роста.

В тот же год, когда в Македонии к власти пришел Филипп, на египетский трон взошел новый фараон — Нектанебо, вознесенный на престол волной бунта, низвергнувшей его отца Теоса, а в Персеполе внебрачный сын Артаксеркса II, повинный в смерти своих братьев, унаследовал трон под именем Артаксеркса III.

Великое несогласие волновало небеса. В такое время меня пригласили истолковывать знамения и докладывать правителям, чего боги ждут от Македонии.

III ХРАМ И КНИГА

Я никогда не читал надписей на стенах храма.

Я говорю только дозволенное, ибо не все можно слышать.

Наши храмы — это священные книги из камня, многие страницы которых запрещено читать священникам низших степеней, а тем более непосвященным. Я принадлежу к числу избранных, кому доверено познать все тайны храмов и прочесть все каменные книги.

В некоторых залах фивийских храмов в Египте, где я обучался, размещены в строгом порядке каменные

плиты: за плитой с выбитой надписью следует чистый, гладкий камень, снова плита с начертанными письменами и снова пустая каменная глыба. При переходе от плиты к плите высеченные на камне строки слагаются в текст, и читающему кажется, что он ясно понимает его смысл. Но это заблуждение. Следует обойти стену и прочесть письмена на оборотной стороне, где испещренные знаками плиты так же разделены чистыми камнями. На каждом камне надпись выбита лишь с одной стороны, и если этой гранью он обращен в один зал, то в соседнем на этом месте видна пустая плита. Если ты не допущен читать по обе стороны стены, ты не можешь постичь истины.

Моя книга построена как храмы Фив и Мемфиса. Чистые страницы в ней чередуются с темными, и на последние нужно смотреть при другом свете. Книги должны быть составлены как храмы, потому что и книги, и храмы есть всего лишь отражение мира, в котором у каждого предмета есть тайна, порой не соответствующая его внешнему виду и облику. Сам человек, живущий на земле, есть изображение божественного, но ему не дано познать великие тайны. Люди могут овладеть лишь только некоторыми навыками и основами знаний, необходимыми для выполнения каждым его собственной задачи во Вселенной, предопределенной свыше.

IV

РЕГЕНТСТВО ФИЛИППА

Со смертью Евридики круг замкнулся. Плод обратился в семя, змея свернулась в клубок, чтобы снова развернуть тугие кольца.

Единственный из оставшихся в живых сыновей Пердикки был посажен на царский трон в юные годы

под именем Аминта III. Филиппа, свершившего свой суд над вероломной царицей, македоняне назначили опекуном слабого племянника и регентом царства. Вся полнота власти сосредоточилась в его руках, к нему обращались как к государю и оказывали высшие почести. Филипп во всем поступал как настоящий царь, место которого ему по праву суждено было занять восемь лет спустя, после торжественной коронации и при всеобщем согласии.

Филиппу в то время было двадцать три года. Это был красавец, выделявшийся высоким ростом и атлетическим телосложением. От своих предков, некогда живших в горах, он унаследовал большую выносливость. Будучи хорошо натренирован физически, Филипп мастерски владел своим телом. У него были черные сверкающие глаза, темные, коротко остриженные волосы, борода клинышком — все это придавало ему мужественный вид. Он подкупал своим обаянием женщин и мужчин. Так продолжалось до тех пор, пока пристрастие к вину и роскоши, а также раны, полученные в сражениях, не обезобразили его облик, ставший в последние годы жизни отталкивающим. Благодаря жизнелюбию, веселому нраву, заразительному смеху, непринужденности, с которой он выходил на арену, чтобы повергнуть наземь самых сильных борцов или победить самых быстрых бегунов, фамильярности обращения со своими полководцами, солдатами, гостями он быстро и легко завоевывал дружбу и расположение людей. Однако Филипп, несомненно, был самым коварным человеком, которого когда-либо носила земля. Не зная цену настоящей дружбе, он не задумываясь предавал своих товарищей. Двуличие было для него так же естественно, как и дыхание, обман доставлял ему такое же удовольствие, как и удачно выполненное упражнение. Иногда Филипп просто не замечал, что врет, — до такой степени ложь стала частью его натуры.